

3. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1245 с.
4. Омские Епархиальные Ведомости. 1914. № 14.
5. Омские Епархиальные Ведомости. 1914. № 21.
6. Омские Епархиальные Ведомости. 1914. № 13.
7. ИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 159.
8. ИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 167.

УДК 93/94(093)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-36-46

**А. В. Контев**

*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Российская Федерация*

### **Места обитания аборигенного населения Кузнецкого уезда в XVIII в. по картографическим источникам<sup>1</sup>**

**Аннотация.** В статье на основе анализа старинных карт с привлечением широкого круга письменных источников сделана попытка провести пространственную реконструкцию расположения мест обитания аборигенных тюркских народов в Верхнем Приобье. Автором прослежено изменение сведений о ясачных волостях Кузнецкого уезда на протяжении 1710–1760-х гг. Изучение карт показывает, что на протяжении XVIII в. сведения о местах проживания тюркских народов становятся все более фрагментарными, а к 1770-м гг. практически исчезают. Несмотря на разрозненность сведений, наличие искажений в названиях и неточности в локализации объектов, нам удалось на современной топооснове определить места обитания более 50 этнических группы, а также воспроизвести границы ясачных волостей на середину столетия. **Ключевые слова:** историческая этнография, ясачные волости, картографические источники, алтайцы, Кузнецкий уезд.

#### **Постановка проблемы**

Проблема четкой локализации районов обитания местных тюркоязычных народов Томь-Иртышья интересовала многих этнографов и историков. Для XVII столетия эта работа проведена достаточно детально как с привлечением материалов ясачных книг [1], так и на основе изучения картографического наследия Семена Ремезова [2; 3]. Созданные в результате этих кропотливых исследований карты наглядно отражают пространственное размещение как в целом этнических групп, так и отдельных «улусов» и «юрт».

Изучая этнополитические процессы в регионе в XVIII в., исследователи не могли обойти стороной данный вопрос и с разной степенью подробности описывали локализацию обитания местных народов. Крупнейший знаток истории алтайских этносов Леонид Павлович Потапов определял расположение отдельных тюркоязычных групп на основе материалов Г. Ф. Миллера (1734), П. Шелегина (1745), капитана С. Плаутина (1745), кузнецкого воеводы Шапочникова и других архивных документов [4; 5]. Отметим, однако, что автор в основном приводил архивные данные в пересказе и не предпринимал попыток обобщить их на картографической основе.

Одним из немногих современных исследователей, который детально изучает расположение алтайских народов в XVIII в., является горно-алтайский ученый Николай Васильевич Екеев [6; 7]. В ряде своих работ он анализирует те же документы, что и Л. Потапов, дополняя их новыми архивными и этнографическими данными. Публикации этого ав-

тора отличает рассмотрение вопросов в строго хронологическом плане – буквально по десятилетиям, что позволяет проследить динамику изменений в этнической структуре населения Кузнецкого уезда. Томский историк Людмила Ивановна Шерстова изучает вопросы расположения и взаимодействия алтайских тюрков в контексте общих процессов XVII – начала XX в., в большей степени уделяя внимание XIX столетию. Именно для этого периода автором составлены карты расположения народов, опубликованные в диссертации Л. И. Шерстовой [8, приложения]. Для XVII – первой половины XVIII в. исследователь выделяет четыре этнокультурные общности: абинско-кумандинскую, телеуто-теленгитскую, теленгито-урянхайскую и саяно-теленгитскую [9; 10]. Исследователи этнополитических процессов в Северной и Центральной Азии В. А. Моисеев [11; 12], Н. С. Модоров [13], О. В. Боронин [14; 15], освещая историю противоборства Джунгарии и России из-за алтайских двоedanцев, неизбежно касались вопросов расположения тех или иных народов и позиций сторон относительно их принадлежности. Особую значимость имеют публикации этих авторов в связи с тем, что в них приводятся сведения из Архива внешней политики Российской империи [16]. Пожалуй, именами перечисленных исследователей ограничивается круг авторов, которые уделяли специальное внимание вопросам размещения аборигенных народов Кузнецкого уезда в XVIII веке<sup>2</sup>. При этом практически никто из исследователей не использует обширные картографические материалы, которые не только позволяют визуализировать обширные сведения по этнической истории региона,

<sup>1</sup> Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ № 15-01-16070 «Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.».

<sup>2</sup> Имеются отдельные исследования и общие атласы Сибири, которые мы не рассматриваем здесь ввиду их обзорного характера [17].

Таблица 1

## «Книга великого государя Кузнецкого города ясачному збору со всех волостей и улусов и з подгородных белых калмыков при полковнике Борисе Акимовиче Синявине 713-го году» [18]

Листы дела	Волости	Ясачного населения	Листы дела	Волости	Ясачного населения
<b>Волости вверх по Мрасе реке:</b>			<b>Волости вверх по Томе реке:</b>		
1–4	Бежбояков (Бежбеяков <sup>1</sup> ) улус	42	34 об.–36 об.	Комляжская	48
4–5	Енданов улус	40	36 об.–38 об.	Кергежская (Кергеская)	
5–5 об.	Тугуяков улус		76	нет	Юская [пропущена] <sup>5</sup>
5 об.–7	Еле[й]ская	43		38 об.–41	Борсаяков (Борсояков) улус
7–8 об.	Ближняя Карга		43	41–41 об.	Тогулская
8 об.–9 об.	Кузешева Карга	43		42–43 об.	Ашкыштымская
9 об.–10 об.	Кы[зы]л Карга		43	43 об.–45 об.	Тагапская
10 об.–12	Кивинская (Кавинская)	43		<b>Волости вверх по Томе реке:</b>	
12–13	Кивинская (в этом же деле – Ковинская) <sup>2</sup>		43	45 об.–47	Бозараков улус
13–14 об.	Изушерская	47 об.–50 об.		Сазымов улус	
<b>Волости вверх по Кондоме реке:</b>			50 об.–51	Тюлюберская	25
14 об.–16 об.	Бокчедаев (Бекчетаев) улус	27	51–52 об.	Боянская	68
16 об.–18	Итиберская	51	52 об.–55 об.	Улус ускацких подгородных белых калмыков	
18–21	Итиберская Когодеев улус		16	55 об.–56 об.	Керецкая
21	Кара-Черская <sup>3</sup>	47		56 об.–57	«С новокрещенных иноземцов вновь, [которые] приверстаны и платили великому государю соболями <sup>6</sup> »
21–22	Елейская		47	57–58 об.	Сагайская
22 об.–24 об.	Кара-Черская <sup>4</sup>	58 об.–60 об.		Белтирская	
24 об.–25 об.	Каргинская	29	60 об.–61 об.	Юс Сагайская	
<b>[Далее идут волости, которые располагались не по р. Кондоме, но считались Кондомскими]</b>			61 об.	«Да с телеских кыштым <sup>7</sup> взято неокладного великого государя ясаку» по цене на 19 соболей	не указано
25 об.–30	Кумандинская	51	61 об.	«Да с те[ле]уцких кыштым <sup>8</sup> взято неокладного ясаку» по цене на 20 соболей	не указано
30 об.–32	Кузенская	13			
32–34 об.	Шелкалская	29			

<sup>1</sup> В скобках приведены названия по ясачной книге 1707 г. [19, л. 2–34 об.].

<sup>2</sup> Б. Долгих различает «Ковинскую» и «Кувинскую» волости.

<sup>3</sup> В ясачных книгах начала XVIII в. фигурируют по две Кара-Чорские волости, но в предыдущем столетии волость, перечислявшаяся первой, называлась «Сара-Чорская» [1, с. 105].

<sup>4</sup> Так в тексте. В книге 1707 г. так же.

<sup>5</sup> В итоговой записи сказано: «И тех волостей Комляжской и Кергежской Юськой». В ясачной книге 1707 г. волость названа сразу после Кергеской.

<sup>6</sup> В тексте: сабазми.

<sup>7</sup> В ясачной книге 1707 г. упомянуты обобщенно ясачные люди волостей «Санжинской, и Мундуской, и Телеской» [19, л. 30 об.]

но и содержат дополнительную информацию, отсутствующую в письменных источниках.

#### Исследование

Важнейшими источниками, отражающими состав коренного населения Верхнего Приобья, являются «Книги ясачного збору» Кузнецкого уезда, в которых поименно перечислено все ясачное население каждой волости с указанием объема натуральных налогов в казну. В книгах начала века, как правило, в одной и той же последовательности фигурируют одни и те же волости, что позволяет восстановить их перечень и состав буквально по годам.

Поясняя организацию сбора ясака, Василий Шишков писал, что представители одиннадцати «подгородных волостей» сами привозят ясак в Куз-

нецк, а в двенадцать Кондомских и одиннадцать Мрасских волостей из центра уезда посылаются специальные сборщики [20, л. 69 об.]. В этой связи обращает на себя внимание объединение во всех ясачных книгах начала XVIII в. отдельных волостей в группы, что, видимо, отражает принцип сбора ясака, когда ближние волости привозили дань в одно место. Сравнивая списки с материалами XVII столетия, Н. В. Екеев отмечает, что в документах начала XVIII в. перестали упоминаться Керсагальская, Орчакская и Кужугетская (Кучугетская) волости, которые ранее располагались в низовьях Бии, Катуня и Чарыша [6, с. 22]. В свою очередь также отметим, что в изученных нами ясачных книгах не упоминается волость «Малая Карга», а также Шанжинская. На-

личие двух Итиберских ведет историю еще с XVII в., когда значились Когудеев улус Итиберской волости и Озылбаев улус такой же волости [1, с. 105].

К началу 1730-х гг. в российско-джунгарских отношениях обострился вопрос о двоеданцах, поэтому в ставку джунгарского правителя Галдан-Цэрэна было отправлено посольство во главе с майором Леонтием Угримовым [21]. В перечне претензий контайши значатся Тагарская (Тагапская), Камандинская, Цанагашская, Шалхановская (Шелканская), Комлешская, Грешевская, Кузеновская (Кузенева), Юская, Ютовская волости, а также 1100 кибиток «теленгутов и уранхайцов» [22, л. 31 об.]. Кроме того, в материалах, предоставленных Угримову, пояснялось, что к Телеутской волости ранее относились «Кесетская, Татушская, Мундушская, Иткульская» (здесь явно перечисляются отдельные роды кужегет, тодош, мундус), также назывались Этиберская, Байошчинская, Елейская, Каргинская, Караирская, Забийская, Бежбоякова, Ендаева, Елесская, Ближняя Карга, Кызыл Карга, Кавенская, Ушерская<sup>1</sup>. Из приведенных в этом перечне волостей остается непонятным отождествление Цанагашской, Грешевской и Байошчинской волостей. При этом надо понимать, что в монгольских материалах волости часто назывались не так, как в русских. Например, в перечне претензий 1721 г. идет речь более чем о 100 сибирских «волостях», среди которых лишь в некоторых удается узнать знакомые тюркские роды (тодош, телес, шор, Хатунская волость, тюлбер, сагай, урахай) [22, л. 25–25 об.].

Более четкие сведения о местных народах приводятся в материалах, составивших две коллекции — фонд Г. Миллера в РГАДА и «Портфели Миллер» в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге. Находившийся в Кузнецком уезде в 1734 г. Герард Миллер специально собирал сведения о местных народах, географии и экономике региона. По результатам этих исследований им была подготовлена обширная записка на немецком языке, изданная А. Х. Элртом [23, с. 17–36]. В основу этого текста положена справка, предоставленная исследователю Кузнецкой воеводской канцелярией под названием «Города Кузнецка суплемент, сочиненный в Кузнецкой канцелярии по силе указов ее императорского величества из Сибирской губернии канцелярии и географическим описанием» [20, л. 252–281]<sup>2</sup>. Отличие этого документа от ясачных книг заключается в том, что в нем приведено географическое описание расположения каждой из тюркоязычных групп. Для удобства использования мы свели сведения Миллера в таблицу (табл. 2), что позволяет сопоставить эти данные с материалами ясачного сбора.

Как видим, в этом перечне значится 34 волости (не считая «новокрещенных иноверцов») с населением в 1276 ясачных душ<sup>3</sup>. Большинство названий волостей совпадает со сведениями ясачных книг, однако фигурируют те, которые не встречались в начале века: в основном это волости бывших кыргызских кыштымов, среди которых Миллер почему-то не называет известные с XVII в. Белтирскую и Юс-Сагайскую<sup>4</sup>, но приводит численность Мойнаковой волости, которая встречается только в его списке. Исследователь дает важные пояснения, которые помогают понять изменение ситуации по сравнению с предыдущим веком. Так, он дважды называет Бежбояков улус, но во втором случае приводит параллельное название — Катунская волость, название которой происходит «от расположенной на восточной стороне Кондомы, между предыдущей и этой волостями, горы, которую по-татарски называют Katuntau, то есть Огненная гора» [24, с. 29]. Это объясняет, почему вдалеке от реки Катунь на ряде карт XVIII в. появляется Катунская волость. Также дважды в списке фигурируют Елейские волости, поскольку одна располагалась в бассейне Мрасу, а вторая Кондомы. Ряд названий, данных Миллером несколько искаженно, вполне отождествляется по созвучию: «Кыстымская» волость — Азкыштымская, «Богоракова» волость — Базарков улус (эти разночтения фиксируются еще в предыдущем веке). Сообщение профессора о том, что Кара-Черская волость иначе называется «Шорская», поясняет, что вторая часть названий Сары-Черской и Кара-Черской волостей является искаженным самоназванием народа «шоры» (шорцы). Также интересно, что «телеуцкие кыштымы» ясачных книг уже названы Миллером Тау-телеуцкой волостью, а «телесские кыштымы» — Телесской волостью. Герард Миллер не только собирал письменные свидетельства о тюркских народах Алтая, но и составлял карты изучаемой местности. Однако ни на одной из них нет ни одной из приведенных выше волостей [27].

В том же 1734 году в горы Алтая для определения государственной границы был отправлен кузнецкий сын боярский Петр Мельников [28], который представил в Кузнецк «Реэстр пограничным урочищам и рекам, и протчим признакам». Казалось бы, в этом реестре и составленном на его основе чертеже должны быть отмечены алтайские народы. Однако в перечне пройденных мест упоминаются лишь «ясачных телецкого роду волости», располагавшиеся на р. Чулышмане, и Кумандинские волости [24, л. 44 об.; 29, л. 88 об, 90]. На «Чертеже местности по берегам р. Оби от Усть-Каменогорской крепости и г. Колыва-

<sup>1</sup> Список волостей по документам из АВПРИ приводит О. В. Боронин [15, с. 151].

<sup>2</sup> Кроме того, реестр ясачных волостей, предоставленный кузнецкой администрацией, имеется в другом деле фонда Миллера [25, л. 3].

<sup>3</sup> Л. П. Потапов, указывал, что в перечне волостей Кузнецкого уезда проживало 1376 «ясачных иноверцов» [5, с. 133], ту же цифру приводит Иван Шишков [25, с. 173]. Однако подсчет по публикации перевода Миллера дал цифру на 100 человек меньше.

<sup>4</sup> Юс-Сагайская волость не значится в списке, предоставленном Кузнецкой канцелярией, но Белтирская в этом списке есть [25, л. 3].

Таблица 2

## Сведения о ясачных волостях Кузнецкого уезда в «Описании Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г.» Г. Ф. Миллера

Волости	Расположение	Чи-сленность
<b>Вниз по Томи и по реке Чумыш:</b>		
Керетская	устье реки Абы	10
Телеутская (белых калмыков)	на северо-восточном берегу Томи, от Рождественского монастыря до устья реки Ускат	151
Тюлюбердская	от устья реки Ускат до границы Мунгатского дистрикта	4
Баянская	от устья реки Ускат до границы Мунгатского дистрикта	28
Кыстымская	по реке Бачат, которая с запада впадает в Уень, или Иню, и в верховьях реки Чумыш	63
Тагапская	вниз вдоль реки Чумыш	39
Тогульская	вниз вдоль реки Чумыш	31
<b>Выше города Кузнецка по реке Томи:</b>		
Богоракова	где в Томь впадает р. Мраса	27
Мойнакова	в 30–40 верстах выше предыдущей волости, между устьями рек Уса и Бжель, впадающими с востока в Томь	49
Сагайская	недалеко от истока Томи, на речке Аксис, текущей с севера в Абакан, и в верховьях реки Июс	53
<b>По реке Мрасе:</b>		
Бешбаякова	в 10 верстах выше устья Мрасы и вверх по ней до впадающей в Мрасу с запада реки Умзас	46
Едеева	в районе речки Ташилда, впадающей в Мрасу с востока	24
Тогоякова	вверх по реке Умзас	4
Елейская	в одном дне пути выше речки Ташилда, один улус в горах вверх по реке Умзас	27
Ближняя Карга	по реке Ортон, впадающей в Мрасу с восточной стороны между Едеевой и Елейской волостями	43
Кузешева Карга	по реке Мрасе, в одном дне пути от Елейской волости	17
Кызыл-Карга	по речке Пузас, впадающей в Мрасу с западной стороны	15
Кивинская	по речке Комер, впадающей в Мрасу с восточной стороны	31
Кивинская	по Мрасе, выше всех предыдущих	12
Изушерская	по речке Пызас, впадающей в Мрасу выше Кызыл-Каргинской волости	21
<b>По реке Кондоме:</b>		
Барсаяцкая	в 30–40 верстах от места впадения Кондомы в Томь	35
Бешбаякова или, иначе, Катунская	в 30–40 верстах выше предыдущей волости, где в Кондому впадают через одно устье две реки – Телбес и Мандыбаш	44
Етиберская (Каллари)	вверх по реке Мандыбаш, примерно в 40–50 верстах от ее устья, где в нее впадают еще несколько речек – Базас, Анзас и Манзас	34
Етиберская	по реке Кондоме, в 50 верстах выше Бешбаяковой волости, здесь с западной стороны в Кондому течет река Антроп	46
Елейская	в 40–50 верстах выше предыдущей волости, где в Кондому с западной стороны впадают две речки – Уросан и Манча (последняя южнее).	27
Карачерская, иначе Шорская	в 30 верстах выше предыдущей волости	79
<b>По реке Бие, на Алтын озере и в других тамошних местах:</b>		
Шолкальская	по реке Ку или Лебедь, в 60–70 верстах от места ее впадения в Бию	43
Каргинская	на той же реке, ниже предыдущей	6
Кумандинская	у места впадения реки Ку в Бию и на протяжении половины дня пути вниз по Бие	105
Юская или, лучше, Еутская	в горах между реками Бия и Катунь, на речке Пуца, которая с востока впадает в Катунь	11
Кузенская	по реке Бие, в половине дня пути вверх от Кумандинской волости, где в Бию течет речка Талей	28
Камляшская	по реке Бие, где в нее с западной стороны впадает река Копша	49
Кергешская	на восточном берегу Бии, где она берет начало из Алтынского озера	39
Тау-Телеутская	в горах, на реке Катунь, где в нее с запада впадает река Сема, а с восточной стороны две речки – Иша и Ишпа (последняя южнее).	34
Телеская	на Алтынском озере и возле устьев впадающих в него рек Чулушман и Чулыш	Неясные

ни до озера Алтын в Кузнецком уезде» Петра Мельникова не показано ни одно жилище [30; 31, с. 201].

В отличие от Миллера, материалы геодезистов Василия и Ивана Шишковых содержат скудные описательные данные, но чрезвычайно подробные карты. Братья Шишковы были отправлены в Обь-Иртышье по инициативе Василия Татищева. При этом Иван работал в паре с учеником Пименом Старцовым, а Василий с учеником Парфеном Сомовым. Иван Шишков составил описание Кузнецкого уезда по вопросным пунктам анкеты В. Н. Татищева, а также начертил «Ландкарту Сибирской губернии Удорской правинции х которой уезды Томской, Кузнецкой, Нарымской и Кецкой» [32; 33]. Василий Шишков занимался описанием Верхнего Прииртышья по той же анкете, при этом он уже с 1735 г. начал составление ландкарт Кузнецкого уезда. Анкетные материалы и подробный анализ картографических источников Шишковых представлен мной в соавторстве с В. Б. Бородаевым в ряде изданий, что позволяет не останавливаться здесь подробно на деятельности этих картографов [25; 34].

Достаточно информативный комплекс материалов, позволяющих реконструировать расположение местных этносов на территории Верхнего Приобья, относится к 1740-м гг. В основном они связаны с изучением региона в связи с развитием здесь горно-металлургического производства и планами по строительству оборонительной линии. Подробные данные о географии местности в верховьях Оби оставил руководитель большой поисковой партии, отправленной к Телецкому озеру Андреем Безром в 1745 г., «рудоприщик» Петр Шелегин. Он составил дневник и карту о своем путешествии от Бикатунской крепости до истоков реки Башкаус, откуда русские были возвращены отрядом в 500 вооруженных «татар» [35, л. 107–110 об.]<sup>1</sup>. При достаточно большом объеме путевого журнала сведения о народах, проживавших в районе экспедиции, сравнительно незначительные.

По итогам экспедиции Шелегина геодезистом Пименом Старцовым была выполнена «Ландкарта, учиненная тем местам, которыми шли посылаемые от бригадира Беэра для разведывания секретно... рудоприщик Шелегин с товарищи» [36]<sup>2</sup>. В легенде карты поясняется, что секретная экспедиция Шелегина была возвращена с Башкауса отрядом во главе с джунгарским командиром (башлыком) Чапом Зиминным. В письменном пояснении говорилось, что на отряд Шелегина напал «башлык Чап Замин сын, с ним корокольских, саяцких и чюлышманских татар сот с пять, у которых у каждого татарина по турке и по сайдаку, в том числе у них кольчужников сорок семь человек» [38, л. 468]. На карте 1745 г. пока-

<sup>1</sup> Документ опубликован: Первый век освоения Россией Алтайского региона в публикациях и рукописях XVIII–XIX веков. URL: <http://library.altspu.ru/althistory/documents/RU%5cASP%5cALTHISTORY%5c360>.

<sup>2</sup> Сохранилась лишь черно-белая фотокопия этой карты. Карта опубликована [37, с. 80–81].

Таблица 3

**Перечень волостей по путевому журналу Петра Шелегина. 1745 г.**

Волости	Расположение	Численность
Таутелеуты	по реке Найме (Майме) и по реке Вершины Ишинские (р. Иша)	40 юрт
Юские татары	по реке Сары Капшы (Кокши), которая течет из-под Катунского хребта с юга на север в реку Бию	20 юрт
Комляшские татары	по реке Бии, которая течет с востока из Телецкого озера на запад	35 юрт
Кергешские татары	истоки Бии	10 юрт
Телеутские татары (телесы)	устье Чулышмана	не указано
Кумандинские татары	по Бии вниз от устья реки Лебедь	30 юрт

заны «юрты кочевые тау-телеуцких татар» в верховьях реки Наймы (Маймы) и Иши; «кочевья Юской волости татар» на р. Кара-Копша; улусы Кумандинский и выше по Бии – Верх-Кумандинский на устье р. Лебедь, а также улус Щелкальский в ее верховьях; улусы Комляшский и Кергешский на р. Бии между устьем р. Лебедь и Телецким озером. На Чулышмане отмечены «кочевья [Теле]ских та[тар]» (в этом месте карта повреждена).

Значительно более подробные сведения приведены в описании инженер-капитана Сергея Плаутина и инженер-прапорщика Ивана Токмачева. Согласно постановлению Правительствующего сената им поручалось отправиться «с кондукторами и геодезистами» в Алтайские горы для определения мест, удобных под строительство крепостной линии. Секретная экспедиция продолжалась с конца сентября по конец ноября 1745 г. Плаутин в своем путевом журнале подробно описал волости «кузнецкого ведомства ясашных иноземцов». В них он указал численность ясачного населения для 12 из 15 волостей, а также основной род занятий аборигенов. Важно также отметить, что по результатам обследования была составлена карта с указанием мест, намеченных Плаутиным для возведения форпостов. Карта и путевой дневник впервые были изданы в сборнике «История Казахстана и России в документах» [39, с. 175–195].

Карта капитана Плаутина, хранящаяся в РГВИА [40], является уникальным картографическим источником, где показаны границы размещения основных ясачных волостей Кузнецкого уезда. Их очертания мы постарались реконструировать на современной топооснове, однако дальнейшая работа требует отождествления названий рек с современной гидросетью региона.

Таблица 4

**Расположение волостей Кузнецкого уезда в проекте проведения пограничной линии инженер-капитана Сергея Плаутина. 1746 г.**

Волости	Расположение	Численность
Барсоятская	по обеим сторонам реки Кондомы, от города Кузнецка в 68 верстах	37
Тагавская	по обеим сторонам реки Сары-Чумыш, в 45 верстах от Барсоятской волости	39
Баштинская	по обеим сторонам реки Кондомы, в 35 верстах от Барсоятской волости	34
Елейская	по обеим сторонам реки Кондомы, в 37 верстах от Баштинской волости	31
Шерская	по обеим сторонам реки Кондомы, в 70 верстах от Елейской волости	75
Шелкальская	начинается в вершине реки Кондомы, а лежит по реке Лебедь по обеим сторонам, в 67 верстах от Шерской волости и в 90 верстах от Телецкого озера	46
Кергейская	от начатия Бии реки до губы Курьи и речки Сабинки, в 26 верстах от Телецкого озера	
Телесцы	по Телецкому озеру	
Горные калмыки	за Телецкое озеро по реке Челушману	
Кергейская	по обе стороны Телецкого озера и по Бие	43
Комляжская	вниз по реке Бие по обеим сторонам, в районе речки Кемзы, в 28 верстах от Кергейской волости	51
Кузенская	в 23 верстах от Комляжской, в районе речки Аламжур	46
Камандинская	по обеим сторонам реки Бии, в 30 верстах от Кузенской	80
Яуцкая	по обеим сторонам реки Иши, в 30 верстах от Камандинской	30
Таутелеуцкая	по обе стороны речки Наймы даже до реки Катуня, в 40 верстах от Яуцкой	120

Комплекс карт 1760-х гг. связан с работами по проектированию новых укреплений в Томь-Иртышье в связи с изменившейся внешнеполитической обстановкой (гибель Джунгарии и принятие части ойратских и тюркских народов в российское подданство). При составлении сводной карты мы использовали три карты региона. В мае 1760 г. в Тобольске состоялось совместное заседание с участием губернатора Федора Соймонова, командующих сибирскими войсками генерал-майора Ганса Веймарна и бригадира Карла Фрауендорфа. Обеспокоенные занятием китайцами земель «зэнгорских калмыков» и приближением их к российским границам, 14 марта 1760 г. они подали в Сенат доношение, в котором предложили занять земли по реке Бухтарме [39, с. 206–207]. Используя реку как естественное препятствие, они советовали столичным властям протянуть новую линию укреплений от устья Бухтармы до Телецкого озера. В рамках большой программы по изучению местности военными геодезистами было составлено несколько карт, в том числе «Карта плоская и вновь учиненная следуемому тракту от крепости Бийской вверх по рекам Бие и Катуне и между оными реками...». Помимо проекта укреплённой линии между Катунью и Телецким озером, на карте отмечены границы волостей: Кутуковой, Таутелеуцкой, Камляцкой, Кергейской и Телецкой (на карте оставлена за оборонительной линией!) [41]. Однако они серьезно отличаются от карты 1746 г.: прежние Яуцкая и Верхнекумандинская волости объединены с Таутелеуцкой, а Кергешская сдвинута далеко на юг.

Одной из самых подробных карт этого периода является «Карта плоская, сочиненная в 1762 году... по осмотрам инженер-майора Петрулина вновь

проектированной линии для ограничения к прикрытие Кузнецкой и Колыванской линий...». Имеющаяся в нашем распоряжении карта была скопирована для тобольского губернатора в 1770 г. [42]<sup>1</sup>. Она охватывает район от реки Алей на западе до Телецкого озера на востоке и от р. Курчюм (притока Иртыша) на юге до устья Чарыша на севере. Поскольку чертёж имеет размер 167×147 см, на нем отражены мельчайшие детали гидросети и населенные пункты. Фактически карта обобщает материалы экспедиций инженер-капитана Плутова (1759), инженер-квартирмейстера Кварцова (1760) и самого Петрулина. В Государственном архиве Алтайского края сохранилась «Опись учиненной карте 1762 году», где описаны все места, предложенные Петрулиным для строительства укреплений [44, л. 58–82 об.]. Поскольку описание носило сугубо военное назначение, в нем не упоминается ни одна волость или улус. На чертеже также не подписаны отдельные поселения, но в междуречье Бии и Катуня обозначены контуры тех же волостей, что и на предыдущей специальной карте.

Своеобразной сводной картой, обобщающей сведения отдельных специальных и общих карт, стала Ландкарта, которая так и называлась – «Сочиненная из генеральных и специальных карт всего Томского и Кузнецкого уездов... и часть Красноярского уезду» [45]. Карта не датирована, но она явно относится к середине 1760-х гг. Она менее подробная, чем петрулинская, но на ней отмечены волости

<sup>1</sup> Другая копия карты хранится в РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 225 [43, с. 14].

между Бией и Катунью, а также отдельные юрты по Кондоме и Мрасе.

В целом имеющийся в нашем распоряжении комплекс картографических источников – от первой карты Кузнецкого уезда XVIII в. Петра Чичагова 1729 г. [46; 47; 48] до карт 1760-х гг. – позволяют выполнить полноценную реконструкцию размещения аборигенных тюркских народов в Верхнем Приобье.

На северо-западе от Кузнецка на реках Бачат и Ускат обитали, по выражению П. Чичагова, «татара киштыми и телеуты». На картах В. Шишкова в этой местности отмечены отдельные юрты Бачат и Тызыгаевы. Вверх от Кузнецка по р. Томи отмечены юрты, фигурирующие на всех картах, иногда под видом деревень. Показанные на карте Чичагова «ю. Телеские» также были населены подгородными телеутами, поселившимися там еще в 1650-е гг.

Отдельные юрты, отмеченные в бассейне Мрасы, в основном имеются лишь на картах Василия и Ивана Шишковых. При этом написание некоторых сложных названий, происходивших от тюркских имен, постоянно варьирует. Например, на карте 1737 г. подписан «Кыльняков» юрт, а на карте 1736 г. того же В. Шишкова он назван более правильно «Умняков». Талдеев улус на разных чертежах фигурирует как «Табаев» или «Талбаев». Как и в ясачных книгах, на картах значатся два Елейских поселения в бассейне р. Мрасу (третья такая же волость, как и указано в списках Миллера и Шапошникова, находится на Кондоме). В верховьях Мрасы представлено множество отдельных поселений, иногда встречающихся в русских документах, но не фиксируемых ясачными списками. Среди них постоянно написанные с искажениями улусы Кызыгаин (Кызыстайн, Кузугаин, Кадыстанские), Узрин (Узрань, Изыранды, Изыраз), Тоболь (Толь). Кавинская волость (улус) на всех изученных картах помещена в самых истоках реки.

Кондомские волости представлены в низовьях реки отдельными улусами и юртами, среди которых известными по описаниям являются Катунский юрт, Келерский улус (Калари у Миллера) и Шерский улус. Причем даже Барсаков (правильно Барсаяков) улус считался двоеданническим. Итиберская волость отмечена только на карте Чичагова как юрт «Этаберы», причем автор карты поясняет «Отсюда платят вверх на двое», то есть все, кто живет выше по реке, являлись двоеданцами.

Чумышские поселения оказались разбросаны вдоль всего течения реки, но в большей степени отмечены в его истоках. Ни на одной карте не встречается Азкыштымская волость, видимо, потому что это название (от «киштим» – данник) было собирательным для разных чумышских улусов. Несмотря на то, что эти волости находились недалеко от Кузнецка, даже в середине XVIII в. туда проникали ойратские алманчики во главе с калмыком Дюренем [49, л. 3].

Поселения по Бии и Катунь фактически соответствуют волостям, отмеченным на карте 1746 г. и фигурирующим в ясачных книгах и списках воеводской канцелярии. Лишь в Шелкальской волости на

карте Чичагова отмечен Бачташев улус. Явная путаница произошла с Кергешской волостью, поскольку она фактически включила в себя и Комляжскую. По сведениям исследователей, кергешы (тиргешы) были представлены в ясачных книгах родами тогус и чагат [13, с. 161]. Мы считаем, что северная область обитания крегешей должна ограничиваться заливом Телецкого озера, выше на карте должна начинаться уже Комляжская волость, центр которой располагался в районе реки Клык (приток реки Лебедь). К Кондомским волостям примыкали Нижняя и Верхняя Куманда. Поскольку сборщики ясача выходили на эти волости по р. Кондоме, их тоже нередко относили к кондомским. Уже Ремезов разделял волость на нижнюю (по течению Бии) и верхнюю. Кумандинские волости вплоть до разгрома Джунгарии признавались российскими властями двоеданническими, алман в них собирал все тот же Дюрень [50, л. 571, 615.]. Тау-телеутская волость нередко в документах называлась крайней или «порубежной». Ее обитатели (роды тодош, кыпчак, тёлёс, кергил и мундус) проживали по рекам Майме, Семе и Сумульте, но иногда перекочевывали на реку Песчаную (Беш). Поэтому в некоторых документах русские приводят общую численность таутелеуцких, канских и каракольских жителей (по данным 1757 г. их значилось 541 человек [39, с. 204]).

Интересно локализовать области обитания неясачных народов, постоянно встречающиеся в документах. Это Канские и Каракольские волости, получившие названия от рек Кан и Каракол [6, с. 22]. В документах фигурирует как выражение «зенгорские Канские Каракольские волости», так и «зенгорские канские и каракольские волости» [6, с. 58; 51, с. 197]. Во главе Канской волости долгое время находился зайсан Омбо, который кочевал по рекам Кан, Ябогану, а также в верховьях Чарыша и Анюя [52, с. 124]. Также при сообщениях о канских жителях называются урочища по рекам Каюрлук (Кайрлук) и Кенгель [13, с. 161]. Бухарцы, прибывшие на Колывано-Воскресенский завод в 1745 г., сообщали, что они выехали из ханской Урги и прибыли в ведомство зайсана Омбо, где «жили по сю сторону Короколи при реке Курлуке с месяц и прибыли оттуда в Кан и стояли в Кану дней з десять, и оттуда поехали для торгу и мены разных товаров х Колыванскому заводу, а их зайсан Омбо пошел в Ургу... повес алман или ясак» [53, л. 46]. Как видим, бухарцы различали каракольские и канские угодья. «Каракольские урочища» локализируются в районе речки Кемчель (Камчила) в бассейне Катунь, которую иногда относили и к Таутелеуцкой волости [52, с. 109; 54, л. 354, 356].

Дальше всех на юг от русских селений проживали урянхайцы. Этнографы и историки спорят о том, к какой этнической группе относить этих жителей (тувинцам, теленгитам, саянцам). Мы склонны считать, что это собирательное название, заимствованное русскими у ойратов, означало используемый китайцами термин «окраинный житель» [10, с. 144] и не может отражать этническую принадлежность. Так,

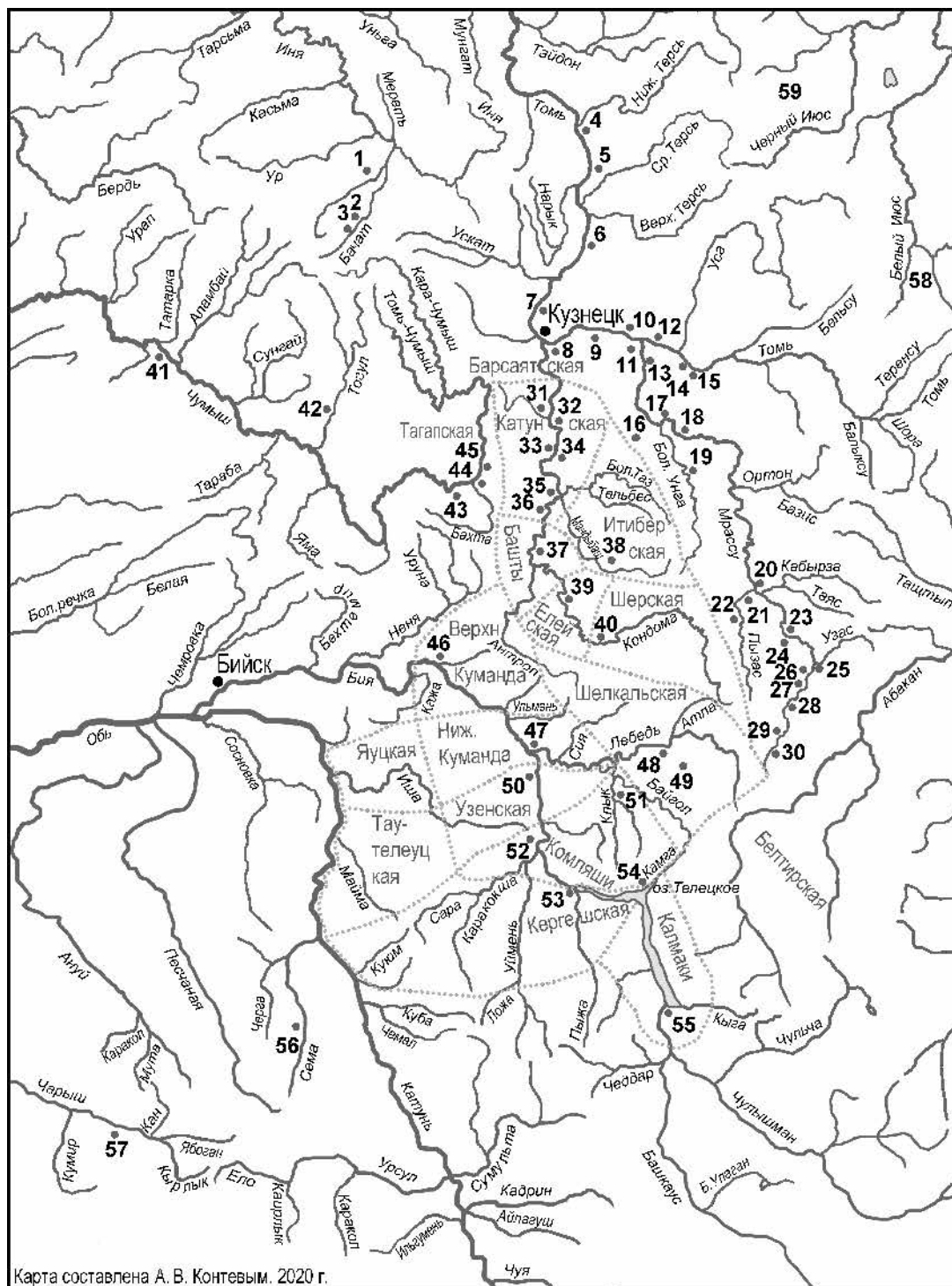


Рис. 1. Расположение мест обитания тюркских народов Кузнецкого уезда в XVIII в. (по картографическим источникам).

1 – Выезжие телеуты; 2 – ю. Тызыгаевы, 3 – ю. Бача, 4 – ю. Лачиковы, 5 – ю. Чегашевы, 6 – ю. Кокошкины, 7 – ю. Телеские (Телеуты), 8 – ю. Абинские, 9 – ю. Чистяковы, 10 – ю. Верхонский, 11 – у. Усть-Мрасский, 12 – ю. Ильинские, 13 – у. Ушкенчиков, 14 – у. Ирстаев, 15 – ю. Кылыняков, 16 – у. Елейский, 17 – у. Талдеев, 18 – ю. Коза, 19 – ю. Елейский, 20 – у. Коштуков, 21 – у. Сабанков, 22 – у. Чебагайский, 23 – у. Кызыгаин, 24 – у. Узрань, 25 – у. Шаурак, 26 – ю. Кошегов, 27 – ю. Тоболь, 28 – у. Тигилейский, 29 – у. Ташкинский, 30 – в. Кивинская, 31 – у. Штеаский, 32 – у. Барсатский, 33 – у. Барсаков, 34 – ю. Катунский, 35 – у. Келерский, 36 – ю. Катунский, 37 – у. Башты, 38 – ю. Итиберский, 39 – в. Елейская, 40 – у. Шерский, 41 – ю. Татарские, 42 – у. Тогульский, 43 – у. Тагапский, 44 – у. Кобочаков, 45 – ю. Ченчиков, 46 – у. Нижней Куманды, 47 – в. Верх-Кумандинская, 48 – в. Шелкальская, 49 – у. Бачташев, 50 – у. Кузнецкий, 51 – у. Шалгы, 52 – у. Комляшев, 53 – у. Кергешский, 54 – ю. Телеутские, 55 – у. Телеутский татар, 56 – Каракольцы, 57 – Урянхай, 58 – Сагаи кузнецкие, 59 – Сагаи томские. Пунктиром показаны границы волостей по карте Платина 1746 г. (Комляжская волость на этой карте не показана.)



подданных зайсана Омбо иногда называли урянхайцами [51, с. 197]. По документам известно, что урянхайцы обитали по рекам Бухтарме и Нарыну, а также в урочище Уйман (Уймон) [52, с. 102–103, 111]. Ни на одной из изученных нами карт урянхайцы не подписаны. Лишь на карте 1764 г. в междуречье Бии и Катуня подписана волость Кутукова. По документам этого времени мы знаем, что «урянхайцы волости зайсана Кутука жительство имеют на Найме реке и перекочевали на Сему для полотья хлеба» [55, л. 195]. В 1763 г. волости зайсанов Намки и Кутука также кочевали по Катуня на реке Семе (приближение урянхайцев к российским рубежам связано с осложнением обстановки в Центральной Азии [56, л. 129]). Мы локализовали расположение урянхайцев согласно карте Г. Миллера 1734 г.

На юге Телецкого озера проживали «Телеутские татары» (по Чичагову) или «Калмаки» (по Плаутину). Еще воевода Шапошников сообщал, что в районе Телецкого озера и вблизи устьев рек Чулышмана и Чилиша обитало более 100 телесов. По данным на 1757 г. их уже значилось 339 человек [39, с. 204], хотя постоянно отмечалось, что сами они, сдавая ясак, отказываются сообщать свою численность. При этом в документах 1758 г. сообщается, что старшины телесцев, живших за Телецким озером, Кыркас и Еранак сами «ходили на мунгальскую границу и отвозили Китайскому державству со своих волостей алманы» [57, л. 223 об.]. Н. В. Екеев указывает, что группа теленгутов (теленгитов), обитавшая в долинах Чулышмана, Башкауса и Чуи, известна под названием «калмыков-двоеданцев» или «чуйских двоеданцев» [6, с. 24].

#### Выводы

Проведенный анализ картографических источников показывает, что они не только иллюстрируют этнополитические процессы, но и дают дополнительный богатый материал, который отсутствует в традиционных письменных источниках. Даже самое подробное географическое описание по точности локализации объектов не может сравниться с картой. По Верхнему Приобью прослеживается тенденция постепенного уменьшения сведений о расселении аборигенных народов. Если в 1720–1730-х гг. карты довольно подробно фиксируют расположение отдельных улусов и юрт, то ко второй половине века сведения становятся все более фрагментарными, часть поселений (особенно вблизи Кузнецка) начинают называть деревнями. К 1760-м гг. картографические источники уже представляют не отдельные

селения, а волостные территориальные образования, что позволяет определить не просто места, а границы расселения местных народов. После середины 1760-х гг. и вплоть до 1810-х гг. нами не встречено ни одной карты, которая отражала бы особенности проживания аборигенов.

При работе со старинными картами следует учитывать, что нередко, особенно при копировании, происходило искажение названий, перенос мест проживания (такие случаи мы не стали отдельно описывать). Поэтому источниковедческий анализ должен предполагать сравнение карт между собой, а также привлечение дополнительных сведений из письменных источников. Простое перенесение сведений с карты на современную топооснову может привести к ошибкам. Например, на карте 1746 г. явно ошибочно как «Верхне-Кумандинская» подписана волость Нижней Куманды.

Попытка зафиксировать ситуацию на современной топооснове на протяжении века предполагает статичность изучаемых процессов, однако мы знаем, что особенно в середине XVIII в. в связи с гибелью Джунгарского государства произошли серьезные изменения, на Алтай переселилось значительное количество тюркского и монгольского населения. Поэтому ситуацию на середину века в картографическом плане необходимо изучать более детально. Предпринятую реконструкцию следует воспринимать не как итог, а как приглашение к работе и дополнению сведений.

A. V. Kontev

#### Habitats of the aboriginal population of the Kuznetsk district in the XVIII century according to cartographic sources

**Annotation.** Based on the analysis of ancient maps with the involvement of a wide range of written sources, the article attempts to conduct a spatial reconstruction of the location of native Turkic peoples' habitats in the Upper Ob region. The author traced the changes of information about the yasak volosts of the Kuznetsk district for 1710–1760<sup>s</sup>. The study of maps shows that during the 18<sup>th</sup> century information about the places of residence of the Turkic peoples became more and more fragmentary, and by the 1770<sup>s</sup> almost disappeared. Despite the fragmentation information, the presence of distortion in the names and inaccuracies in localization of objects, we have managed to identify the habitats of more than 50 ethnic groups on the modern topographic basis, and reproduce the boundaries of the yasak volosts of mid-century. **Keywords:** historical ethnography, yasak volosts, cartographic sources, Altaians, Kuznetsky district.

#### Источники и литература

1. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. 662 с. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 55).
2. Бородаев В. Б. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: док. моногр. / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
3. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 296 с.
4. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории / под ред. П. И. Воробьева. Москва; Ленинград, 1936. 260 с.
5. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк / отв. ред. А. П. Окладников. Ленинград: Наука, 1969. 196 с.
6. Екеев Н. В. Алтай: История и культура (Избранные труды) / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2015. 472 с.

7. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редкол. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск, 2014. 464 с.
8. Шерстова Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири, XVII – начало XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999. 587 с.
9. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2005. С. 54–55.
10. Шерстова Л. И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 142–146.
11. Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. 174 с.
12. Моисеев В. А. Проблема двоеподданства северных алтайцев в русско-джунгарских отношениях // История Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2002. С. 255–264.
13. Модоров Н. С. Из истории присоединения Южного Алтая к России в середине 50-х гг. XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2 (72). С. 159–166.
14. Боронин О. В. Челканцы между Россией и Джунгарией в XVII – первой половине 50-х XVIII вв. // Востоковедные исследования на Алтае: сб. науч. ст. / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул, 2002. Вып. III. С. 9–17.
15. Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2004. 215 с.
16. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.): док. и извлечения / сост.: В. А. Моисеев, И. А. Ноздрин, Р. А. Кушнерик. Барнаул, 2006. 360 с.
17. Кимеев В. М. Территориально-этнические группы шорцев в XVII – нач. XX вв. // Молодые ученые Кузбасса в X пятилетке. Кемерово, 1981. Ч. II. С. 150–155.
18. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1363.
19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 1041.
20. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН). Ф. 21. Оп. 5. Д. 150.
21. Боронин О. В. Вопрос о двоеданцах на русско-джунгарских переговорах 1731–1733 гг. (посольство Л. Д. Угримова) // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина, 6–7 окт. 1999 г. Барнаул, 2000. С. 355–362.
22. РГАДА. Ф. 113. 1595–1736 гг. Д. 1.
23. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера: [пер. с нем.] / Миллер Герард Фридрих; Изд. подгот. А. Х. Элерт; отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири. Первоисточники; вып. 6).
24. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19.
25. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. / авт. вступ. ст. и археограф. справки В. Б. Бородаев, А. В. Контев. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2010. 260 с.
26. Контев А. В. Картографические исследования юга Западной Сибири в 30-е годы XVIII в. // Историческая и современная картография в развитии Алтайского региона: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. 25–26 нояб. 1997 г. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. С. 45–48.
27. Библиотека Российской академии наук (далее – БРАН). Отдел рукописей. Основное собрание карт. № 336.
28. Бобров Д. С. Экспедиции П. А. Мельникова в предгорья Алтая 1733–1734 гг. в контексте формирования российской государственной границы в Верхнем Обь-Иртышье // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов Всерос. молодеж. науч. школы-конференции. Новосибирск, 2016. С. 20–27.
29. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46.
30. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 317.
31. Контев А. В. Объекты горнозаводского производства Колывано-Воскресенского горного ведомства на картах XVIII века // Краеведение и туризм: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию историка и краеведа Алексея Дмитриевича Сергеева. (Барнаул, 8 апр. 2010 г.). Барнаул, 2010. С. 188–215.
32. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 20225.
33. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20226.
34. Бородаев В. Б., Контев А. В. Кузнецкий уезд на картах геодезиста Василия Шишкова (1730-е годы) // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Кемерово, 2010. Вып. 8. С. 150–160.
35. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
36. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20270.
37. Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картогр. материалы по истории Верх. Приобья и Прииртышья (от античности до нач. XXI в.). 2-е изд., испр. и доп. Барнаул: Азбука, 2007. 216 с.
38. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1584.
39. История Казахстана и России в документах: Прииртышье и Приобье в XVIII – начале XX в.: сб. док. / под ред. Т. К. Щегловой, Г. Е. Отеповой, А. В. Контева. Барнаул; Павлодар: АлтГПА, 2013. 240 с.
40. РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. Д. 12.
41. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1879.
42. БРАН. Рукописный отдел. Основное собрание карт. № 338.
43. Катионов О. Н., Катионова А. О. Подготовка кадров специалистов в Сибири (XVIII – начало XIX вв.) // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 13–20.
44. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373.
45. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Томская губерния. Д. 2.
46. Исторический архив Омской области (далее – ИсаОО).
47. БРАН. Рукописный отдел. Основное собрание карт. № 473.
48. БРАН. Рукописный отдел. Основное собрание карт. № 112.
49. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 45.
50. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 1607.
51. Шерстова Л. И. Алтайские теленгиты в контексте Центрально-Азиатской истории // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы XII междунар. на-

- уч. конф., г. Ховд, Монголия, 18–21 сент. 2015 г. Ховд; Томск, 2015. Т. 2: Гуманитарные и социальные науки. С. 193–199.
52. Материалы для истории Сибири / сост. Г. Н. Потанин // Чтения Общества истории и древностей российских. 1866. Кн. 4: окт.–дек. Москва, 1866. Раздел II: Материалы отечественные. С. 1–128.
53. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 1136.
54. ИсАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69.
55. ИсАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89.
56. РГВИА. Ф. 20. Оп 1/47. Д. 335.
57. ИсАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77.

УДК 39(=512.1)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-46-49

**Т. Ю. Красовицкая**

*Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация*

### **Тюркские элиты России: опыт этнокультурного взаимодействия. Конец XIX в. — 1920-е гг.**

*Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация*

**Аннотация.** Векторы межкультурного взаимодействия российских тюркских элит в процессах модернизации разнообразны и обусловлены специфическими обстоятельствами. В исследовании выделена история получения образования. Этот важный культурный ресурс индустриального общества объясняет векторы взаимодействия тюркских элит с модернизационными процессами. **Ключевые слова:** *российские тюркские элиты, межкультурное взаимодействие, векторы, специфика образования.*

Участие тюркских элит в процессах модернизации — это не склад фактов, а творческий процесс. Векторы межкультурного взаимодействия в нем разнообразны и, что главное, обусловлены специфическими обстоятельствами. Возьмем хотя бы их историю получения образования и специализацию обучения. Этот важный ресурс объясняет векторы взаимодействия тюркских элит с модернизационными процессами.

Многие не могли (а хотели!) получить образование на родине. Но большинство получили его за рубежом. Стремилась поучиться на юридических, экономических и других общественных факультетах. Политические науки в то время считались субдисциплиной юриспруденции, по крайней мере в России. Юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который В. Ленин окончил экстерном, оставался одним из лучших центров политических исследований в России. Один из лидеров тюркской элиты И. Гаспринский внимательно изучал опыт французской системы образования.

С начала XX в. во Франции стали учиться российские мусульмане. В 1910 г. в Париже училось до 500 студентов-мусульман, из которых тюрков было до 300 человек. Группа мусульман из России составляла 10 человек, из них две женщины. Большинство же студентов-тюрков обучалось в Германии [1, с. 118–119].

В Париже преподавали российские ученые-эмигранты. Профессора-либералы Е. В. де Роберти вместе с М. Ковалевским создали Русскую высшую школу общественных наук. Ковалевский трактовал российские политические практики в рамках «теории социального прогресса». Преподавали цивилист Ю. С. Гамбаров, профессор политэкономии и статистики Московского университета А. И. Чупров и Н. А. Каблуков, историк П. Г. Виноградов, экономист М. И. Туган-Барановский, историк литературы

С. А. Венгеров, этнограф Ф. К. Волк, филолог и литературовед Е. В. Аничков, историк права С. А. Котляревский и др.

Конечно, содержание знаний, получаемых тюркскими студентами, — отдельная и важная тема. Но интерес тюркских студентов к восприятию западными народами вопроса о власти: должна ли личность подчиниться коллективной воле или наоборот, — возрастал. Французский инстинкт решал: власть не принадлежит никому, важно не государство, а равенство всех. Английский инстинкт вел к тому, что власть принадлежит личности. В конечном итоге это идет на пользу всем. И то, и другое называлось демократией, но в совершенно разном значении этого слова. Немецкий инстинкт говорил: власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит. Как видим, в разных странах на этот вопрос давались разные ответы. Таким образом, студенты получали представления, как правительства обосновывают свою политику, применяя те или иные идеологические концепции, суждения и общественные чувствования, религиозные, конфессиональные представления, традиционные ценности образа.

Поездки за знаниями приняли значительные масштабы, и знания обретали новое качество. Этнические элиты ездили за ними за рубеж еще и потому, что зарубежная профессура давала более современную интерпретацию юридически-правовых знаний, например, применительно к реформаторским устремлениям российских тюрко-язычных элит. В начале XX в. богослов Мухаммад Абдо выдвинул концепцию реформирования ислама, выделив важность получения знаний для социального обновления. Реформаторские идеи Абдо переведены на татарский язык. Книга «Мусульманские философы» издана в Оренбурге в 1909 г. Огромной популярностью пользовался университет аль-Азхар в Каире. У Аб-